

УДК 332.145

В.В. Кижикина**БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассматриваются вопросы соотношения теоретического и эмпирического знания, стремления ученых обосновать роль экономического роста для прогрессивного развития общества, а практиков – обеспечить реальное повышение благосостояния и уровня жизни населения, сократить негативные процессы дифференциации населения методами государственного регулирования и формирования институтов социальной защиты и социального обеспечения. Однако в социальной реальности происходит существенный отрыв научной теории от практических воздействий на экономику, который ставит под сомнение правильность теоретических подходов, требует пересмотра экономической концепции, критического анализа адекватности институциональных механизмов регулирования. Предлагается база формирования адекватной социально-экономической системы, основанной на принципах эволюционной преемственности, комплексности, регионализма, институционализма.

Ключевые слова: социальное благо, благосостояние, модели, уровень жизни, концептуальные принципы.

Прогресс общественного развития в глобальном смысле связан с главной целью – ростом благосостояния всего человечества во всех проявлениях данного понятия. Это следует хотя бы из того, что исходным элементом хозяйства (как индивидуального, так и национального, и мирового), равно как и целью его функционирования, является человек и его благополучие. Однако чем более высоких результатов достигает общество в техническом и экономическом развитии, тем очевиднее становятся межстрановые, межрегиональные различия в показателях благосостояния, уровня жизни населения, тем более высокими становятся риски за тот уровень благополучия, который достигнут наиболее развитыми странами, тем ярче актуализируются задачи территориального выравнивания, формирования механизмов и институтов регулирования экономического развития, обеспечения социальных гарантий населению и сохранения приемлемого уровня жизни.

Достигнутый общественный прогресс, на самом деле, фактически приводит к закреплению периферийной модели мировой экономики, к разорению малого бизнеса крупными транснациональными компаниями, к снижению уровня жизни миллионов людей в бедных странах, к концентрации богатства и бедности, к увеличению разрыва между благополучными и «неблагополучными» странами и регионами. По данным Всемирного банка, беднейшими странами являются страны Южной Азии (510 млн чел.), Восточной Азии (450 млн чел.), «Черной» Африки (220 млн чел.) и Латинской Америки (130 млн чел.) [1]. Выработанные мировыми лидерами в 2000 г. «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ) на пятнадцатилетнюю перспективу посвящены повышению уровня жизни населения во всех странах. Но участники последнего саммита ООН по обзору выполнения Целей развития тысячелетия, завер-

шившегося в Нью-Йорке в сентябре 2010 г., глубоко обеспокоены тем, что свыше 1 млрд чел. живут в условиях крайней нищеты и голода и что значительным вызовом остается неравенство между странами и внутри их, а в период с 2007 по 2009 г. в мире вновь возросли голод и недоедание [2]. Новость о рождении семимиллиардного жителя планеты также всколыхнула дискуссии о возможности сохранения высокого уровня и качества жизни населения.

Идеологически общество не отказывается от гуманистических задач, но при этом желаемый результат всеобщего благоденствия оказывается недостижим как линия горизонта. Все труднее давать объективную и научно обоснованную оценку того, лучше или хуже становится жизнь людей, так как во всех достижениях цивилизации обязательно присутствует негативный эффект, проявляющийся не всегда одновременно с позитивом, а в большинстве случаев со значительным временным лагом. Так, достигая грандиозных успехов в урожайности и производстве продуктов питания за счет применения биотехнологий – получаем ухудшение здоровья человека, повышая комфортность бытовых условий проживания в мегаполисах – получаем негативное влияние на среду обитания, усиливая технологическую и информационную составляющую экономических процессов – увеличиваем риск глобальных потрясений и кризисов, которые приводят к колоссальным человеческим трагедиям. Кроме того, обостряется политическая и конкурентная борьба, которая, несмотря на активную деятельность международных организаций, становится все острее, а самое главное – опаснее в своих социальных последствиях.

На результирующие показатели уровня жизни влияет значительное число различных факторов как объективного характера, так и субъективного, к которым можно отнести все проявления человеческой деятельности (экономика, политика, культура, психология, экология и т.д.). Чтобы оценить те или иные показатели уровня жизни, необходимо провести их через призму субъективного восприятия, осознания, рефлексии, самооценки собственного благополучия, что еще больше затрудняет возможность объективного анализа происходящих процессов. Нельзя оспаривать, например, утилитарную ценность сотовой связи и информационных технологий, их полезность, но остается вопрос: воспринимается ли человеком новая реальность как повышение его благосостояния, уровня и качества жизни?

По-прежнему рост благосостояния и выравнивание уровня жизни населения разных стран, регионов, территорий, борьба с бедностью остаются важнейшими социальными, экономическими и политическими задачами, в решении и регулировании которых принимают участие многие всемирные организации (ООН, МОТ, Всемирный банк и т.д.). Пан Ги Мун, генеральный секретарь ООН, декларирует приверженность мирового сообщества идее реализации ЦРТ. Но скорость нарастания социальных и экономических проблем оказывается больше, чем эффективность реализации программ помощи бедным и развивающимся странам. Так, если в 1960 г. разрыв между 20 богатейшими странами и 20 беднейшими составлял 18 раз, то в 1995 г. – уже 37 раз, а к 2008 г. этот разрыв увеличился еще больше. То есть богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее. Многие экономисты приходят к мнению, что истинная цель инвестиций, займов и программ помощи не в подъеме благосостояния масс в бедных странах, а в глобальном накоплении капитала, за-

хватке земель и местных экономик народов, монополизации рынков, порабощении огромными долгами, уничтожение общественного сектора, снижении торговой конкуренции [3].

К сожалению, остается идеальной мысль А. Смита о том, что «... отдельный человек... преследуя свои собственные интересы, часто больше действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это» [4. С. 332]. Однако Смит тоже был озабочен рамками и институциональными условиями, в которых функционирует экономика, понимая, что рыночное равновесие не является обязательно справедливым и распределение ресурсов может быть слишком односторонним и даже неравным, чтобы стать приемлемым для общества.

В этой связи представляется, что все-таки основная ответственность за выполнение задачи повышения уровня жизни и в целом благосостояния населения должна решаться собственными правительствами самих стран, местными, региональными властями с использованием для этого всех имеющихся в распоряжении ресурсов и инструментов. На эту ответственность было обращено внимание и мировой общественности – ЦРТ могут быть достигнуты в том числе и при условии, если бедные государства будут ответственно относиться к решению собственных проблем.

Вопрос о том, в чем причины бедности и богатства разных стран и как достичь равенства в экономическом развитии, затрагивается практически всеми экономическими и философскими теориями. Со времен А. Смита западная теория благосостояния индивида и общества прошла ряд этапов, которые соответствовали определенным социально-экономическим условиям и сыграли значительную роль в приближении к практическим задачам повышения благосостояния населения, основанным на признании «провалов рынка» и необходимости государственного воздействия на механизмы использования ресурсов и распределения доходов, хотя при этом и государство не лишено собственных «провалов».

Идея формирования государства всеобщего благоденствия начала реализовываться в конце XIX в. в Германской империи с легкой руки канцлера Отто фон Бисмарка, когда в результате политической борьбы социал-демократов и консерваторов был одобрен первый «пакет» законов о социальном обеспечении. Эти законы гарантировали всем подданным Германской империи медицинское страхование, пенсионное обеспечение, минимальную зарплату, определенные условия труда, отпуск и пособие по безработице. Хотя истинная задача была, как говорил Бисмарк, «... в том, чтобы подкупить рабочий класс или, точнее, завоевать его поддержку, добиться, чтобы он воспринимал государство как социальный институт, существующий ради рабочих и заинтересованный в их благосостоянии».

В дальнейшем стала развиваться идея о высшем «социальном благе», концепция о том, что демократия не ограничивается «простой» защитой жизни, личной свободы и собственности людей. Фредерик Хоу (Frederic Howe) – американец, восхищавшийся немецким «государством всеобщего благосостояния», в 1915 г. в своей книге «Социализированная Германия» (Socialized Germany) дал следующую характеристику этой системы: «Государство “держит руку на пульсе” рабочего с колыбели и до смерти. Его образование, его

здоровье, его трудоспособность становятся предметом постоянной заботы властей. Фабричные законы и нормы тщательнейшим образом оберегают его от несчастных случаев. Его рукам и уму помогают обрести необходимые навыки, чтобы он стал хорошим работником, он получает страховку от несчастных случаев, болезней и пенсию по старости. В случае вынужденного «безделья» ему часто помогают найти работу. Если у рабочего нет жилья, ему предоставляют крышу над головой, чтобы он не пополнил ряды бродяг».

Немецкая концепция управления и «государства всеобщего благосостояния» постепенно распространилась в Америке. Многие американцы продолжали свое образование в Европе, в университетах Германии и учились у ведущих представителей германской исторической школы – адептов «государственного социализма». Именно они стали лидерами движения за «социальные реформы» в так называемую прогрессистскую эпоху начала XX столетия.

К таким влиятельным деятелям относится Ричард Элай (Richard Ely), профессор экономики в Висконсинском университете: он учился в Германии, а в 1885 г. стал одним из основателей Американской экономической ассоциации, целью которой являлась пропаганда идей «государства всеобщего благосостояния».

Но изначально идеям «всеобщего благосостояния» оппонировали сторонники классического либерализма и экономисты, выступавшие за свободный рынок. Они резко критически относились к вмешательству государства в социально-экономические вопросы, сомневаясь, что у политической власти достанет и знаний, и мудрости для управления сложными и изменчивыми процессами общественной и экономической жизни. Они также с подозрением относились к идее делегирования государству полномочий по регулированию жизни людей, понимая, что даже если эти полномочия осуществляются под лозунгом служения «интересам общества», их подлинная мотивация связана с обслуживанием групповых интересов в ущерб обществу в целом.

Среди современных ученых также существуют противники формирования пакета социальных благ со стороны государства. По мнению президента Фонда экономического образования США (Foundation for Economic Education) Ричарда Эбелинга, именно стремление к «государству всеобщего благосостояния» сегодня является основным препятствием на пути создания свободного рынка. Он пишет: «Ущерб, наносимый “государством всеобщего благосостояния” нашей политической, экономической и культурной жизни, возможно, не столь заметен, как последствия социализма в Восточной Европе, но не менее разрушителен» [5].

В мировой практике классическим примером государства благоденствия считается Швеция [6]. Лидер социал-демократов Пер Альбин Ханссон в 1928 г. выдвинул концепцию Швеции как «дома народа». В шведской модели социальная политика способствует преобразованию общественных отношений в духе социальной справедливости, уравниванию доходов, сглаживанию классовых неравенств и в итоге построению нового общества демократического социализма на базе государства благосостояния. Сложившаяся система – воплощение здравого смысла, осознанного социальными партнерами.

Создатель экономической научной теории «шведской модели социализма», лауреат Нобелевской премии Гуннар Карл Мюрдаль утверждал, что

главное в «государстве благосостояния» – это социальная защита населения, т.е. система законодательных, экономических, социальных и социально-психологических гарантий, обеспечение гражданам равных условий для повышения благосостояния за счет личного трудового вклада, экономической самостоятельности и предпринимательства для трудоспособного населения, а для нетрудоспособных граждан – создание определенного уровня жизнеобеспечения. Социальная защита, по мнению Мюрдаля, это: обеспечение членам общества высокого прожиточного минимума и оказание материальной помощи тем, кому в силу объективных причин она необходима; установление привилегий малоимущим и изъятие привилегий у тех, кто в них не нуждается; создание условий, позволяющих гражданам зарабатывать средства для полноценной жизни любыми не противоречащими закону способами; создание условий, обеспечивающих удовлетворение высокого уровня потребностей граждан в образовании, медицинской помощи и т.д.

История шведской модели свидетельствует, что экономическое развитие Швеции было так же насыщено различными кризисами, спадами и подъемами, как и многих стран Европы. Но шведская модель в большинстве случаев способна снижать последствия внешних конъюнктурных скачков мирового рынка для страны и ее граждан. Существующий эмпирический опыт является важным для научного обобщения и формирования рекомендаций для других государств.

Однако применение современных теорий благосостояния, экономического роста для решения проблем переходных экономик не оправдало ожиданий. Так, в России в период начала экономических реформ неожиданными и трагическими оказались прогноз инфляции, кризисы неплатежей, спад производства и тотальная криминализация общества, последствия приватизации, масштабы теневой экономики. Не оправдалась гипотеза о спонтанном развитии рыночного поведения и рыночных институтов, которое должно было привести к быстрой адаптации населения и развитию предпринимательской деятельности. Никто не мог предвидеть, насколько драматичным будет расхождение населения с распространением отчаянной бедности в среде интеллигенции и основной массы трудящихся. Но преобразования в России во многом осуществлялись в соответствии с рекомендациями признанных на Западе экспертов-профессионалов. С одной стороны, это связано с особенностями российской реальности, с другой – с кризисом самой экономической теории.

Роль экономической науки в нашей стране всегда была противоречива, так как тесно переплеталась с политикой. Вспомним историю единственного советского нобелевского лауреата по экономике в 1975 г. «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов» Леонида Канторовича (его вклад в экономическую науку сравнивали с Парето) – разработчика методов линейного программирования и оптимизационных моделей при управлении экономикой советского типа. В своей нобелевской лекции в Шведской академии наук он говорил, что от экономической науки требуется «перейти от изучения и наблюдения происходящих в экономике процессов и единичных индикативных воздействий на нее к конкретному управлению ею» [7]. Фактически это были попытки внедрения «новой экономики», эффективной и ресурсосберегающей. При этом ученый одновременно отмечал, что «экономическая материя из-за своей сложности и свое-

образия чрезвычайно трудна для моделирования», имея в виду и сложности идеологического характера, и невозможность в советской экономике практически использовать разработанные методы [7]. Они так и не были использованы в полной мере даже в период косыгинских реформ 60-х гг., когда политическая ситуация в стране была более благоприятна, а сами методы получили всемирную известность в научных кругах.

В современной ситуации проявляется как неподготовленность отечественной экономической науки к практике рыночного управления, так и весьма специфические условия в стране, сформировавшиеся за период рыночных преобразований: давление бюрократического аппарата, коррупционные схемы экономического развития, несовершенство законодательства и т.д.

Приведем для убедительности два высказывания академика В.М. Полтеровича: «Состояние теории я называю кризисным, если доказано или весьма правдоподобно, что поставленные ею основные задачи не могут быть решены принятыми в теории методами», и «российская экономика представляет собой гигантскую лабораторию, где в течение нескольких лет происходят институциональные преобразования, требовавшие в иных странах и в иное время десятилетий» [8].

Думается, что повышение благосостояния населения России как императива ее экономического роста будет длительным и сложным. В числе российских ученых укрепился подход, который впервые предложил в советское время Э.М. Агабабян и он был поддержан В.Г. Гребенниковым, О.С. Пчелинцевым и С.С. Шаталиным [9] уже в перестроечный период, где благосостояние рассматривается не только как функция экономического роста, но и, наоборот, как экономический рост в качестве функции благосостояния. «...В современных условиях необычайно возросла функциональная роль обратных связей в экономике, т.е. увеличилось влияние уровня и структуры народного потребления на рост общественного производства. Народное потребление становится фактором экономического роста» [10. С. 6].

Нельзя не согласиться с лидером демократических реформ в России Г.А. Явлинским, который в своей докторской диссертации утверждал, что подход к формированию социально-экономической системы, позволяющей достичь задач государства благосостояния, должен быть «институциональным, эволюционным и комплексным» [11].

Нам представляется концептуально чрезвычайно важным применение данных принципов для формирования основ модели благосостояния, поставив на первое место эволюционность (преемственность) и добавив принцип регионализма, как признание факта существенной дифференциации территорий России по географическим, историческим, культурным, экономическим и т.д. условиям жизни (бытия).

Рассмотрим предлагаемые принципы более основательно.

Принцип регионализма является необходимым, так как Россия – большая по территории страна и практическое применение научных положений теории должно быть основано на учете региональных особенностей (сильных и слабых сторон). На наш взгляд, критерием и показателем удовлетворенности населения уровнем жизни для конкретной территории является достижение улучшений (позитивной динамики) по наиболее значимым и приоритетным

факторам, так как одинаково высокого по всем территориям России уровня жизни достичь невозможно в силу объективных условий дифференциации регионов по базовым ресурсным характеристикам, а также в силу исторически сложившихся и пропагандируемых (иногда культурно-национально закрепленных) жизненных ценностей. Только критерии крайней бедности могут быть по методологии (например, следование абсолютной концепции бедности при ориентире на рассчитанный для каждой территории размер прожиточного минимума) универсальными для всех территорий, а показатели более высоких уровней обеспеченности будут относительными и связанными с социальными приоритетами и сформированными стандартами.

Институциональный подход позволяет перейти от уровня жизни индивидов к уровню жизни населения как агрегированному состоянию социально-экономической системы, представляемой как структура определенных институтов (государственных, общественных, формальных и неформальных).

К числу теоретических проблем, которые предстоит решить в процессе формирования отечественной теории благосостояния, относятся: оценка общественной и экономической системы, критерии ее эффективности; выбор целей и средств для достижения экономической оптимальности; возможности механизма спроса – предложения в удовлетворении индивидуальных потребностей; разработка критериев мониторинга уровня и качества жизни населения; формирование институциональной среды по социальной защите населения; разработка программ по социальному обеспечению и преодолению бедности, экологических программ, законодательству по благосостоянию.

Здесь необходимо использовать эволюционный подход, оглянувшись в социалистическое прошлое. Для России, как преемницы СССР, проблема общественного благосостояния – довольно изученная область. Основа советской модели благосостояния была сформирована в начале 70-х гг. Эта модель характеризовалась элементами, присущими соответствующему историческому периоду. Можно отметить основные составляющие системы [12]:

1. Насыщение первичных потребностей населения (питание, предметы гардероба, жилье) при невысоком уровне потребления капитальных благ (автомобили, первое и второе жилье и т. д.).

2. Низкая дифференциация доходов и потребления (соотношение доходов 10% населения с наибольшими и наименьшими доходами составляло 3–5 раз), унифицированные стандарты благосостояния.

3. Высокий охват населения социальными услугами (здравоохранение, образование, социальное обеспечение, отдых) и реальная их доступность.

4. Развитая система социальных гарантий на уровнях государства, отраслей, регионов и предприятий, устранение низкостатусных рабочих мест, поддержание всеобщей занятости и гарантий оплаты труда.

Однако научная парадигма в рыночной экономике стала принципиально иной, и еще не сформировалось общепризнанное понимание категории «благосостояние» («народное благосостояние»). Зачастую она отождествляется с понятием «уровень жизни». И это вполне оправдано, поскольку оба этих понятия, различаясь в границах, совпадают по содержанию. Понятие «уровень жизни» более узкое, поскольку включает не все элементы, которые есть в составе благосостояния, например социальное обеспечение, социальное страхование и др.

Самое распространенное определение «благосостояния» дано в Большом экономическом словаре, где благосостояние рассматривается как «обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, т.е. предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности» [13. С. 83]. А в Конституции РФ (ст. 7) провозглашено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а следовательно, необходимо развивать отечественную теорию благосостояния и эффективно применять ее на практике. При этом невозможно не учитывать те базовые элементы модели благосостояния, которые работали в историческом прошлом России. В этом реализуется принцип эволюционной преемственности.

Принцип комплексности понимается нами следующим образом. При изучении проблем благосостояния проявляется объективная двойственность, присущая экономической науке. С одной стороны, присутствует стремление исследовать универсальные закономерности человеческого поведения, связанные с созидательной экономической деятельностью, естественным ростом потребностей и возможностями их удовлетворения благодаря эволюционным процессам. Здесь используются аналитические дедуктивные методы, достигаются теоретические выводы. С другой стороны, требуется опираться на практическую реальность, эмпирические факты реальных социальных явлений, которые демонстрируют собой проявления крайней нелогичности, несправедливости, иррациональности, противоречат всякой логике и здравому смыслу, в которых проявляется несовершенство и абстрактность самой красивой экономической теории. Истина, как всегда, должна находиться посередине, т.е. в диалектическом сочетании теоретического и эмпирического подходов.

Теоретический подход. Так, например, целью построения теории благосостояния является идея достижения всеобщего благоденствия, формирования государства благосостояния. Реализация заданной идеи требует установления экономического равновесия, которое обеспечит и социальное равновесие, когда все члены общества удовлетворены достигнутыми результатами и отсутствуют внутренние причины для изменения состояния равновесия. Однако данная идея изначально обречена на абсолютную абстрактность, так как в этом случае предполагается, что общество представляет совокупность рациональных экономических агентов, действующих в совершенных рыночных условиях и оптимизирующих свои целевые функции, основанные на разумных ограничениях. Очевидно, что данная идея изначально оторвана от реальных проблем экономики и социума.

Эмпирический подход. Здесь исходным материалом для построения концепции является накопленная статистическая база, эмпирический инструментарий, выявление конкретных проблем реальной экономики и поиски путей их разрешения, взаимовлияния экономических и социальных институтов. На основе эмпирического подхода возможна скорее «объясняющая гипотеза» (термин Й. Шумпетера), возникающая из анализа фактических данных. Процесс сбора и анализа данных представляет собой важнейшую составляющую научной деятельности, но проблема возникает при содержательной интерпре-

тации, обобщении до уровня закономерности, формулирования устойчивой тенденции и возможности прогнозирования в будущее.

В вопросах изучения благосостояния, уровня и качества жизни населения данная двойственность научного исследовательского процесса проявляется очень остро. Взаимосвязь макро- и микроподходов, возможность редукции эмпирических данных разных уровней, адекватность качественной интерпретации статистических данных, соответствие агрегированных данных конкретному индивиду или субъекту хозяйственной деятельности – все эти вопросы содержат внутреннюю противоречивость и делают легко уязвимыми теоретические концепции.

Многочисленные эмпирические исследования рыночного периода динамики благосостояния, уровня жизни населения¹, которые преобладают в отечественной экономической науке, в основном фиксируют проблемы, объясняют их, но не выводят на новый уровень теоретического осмысления. Взаимосвязь же экономического роста и роста благосостояния проявляется весьма противоречиво.

Очевидно и закономерно, что происходит резкое падение доходов населения в ситуации кризиса экономики. Это проявляется как на макроуровне, так и на уровне региона. Сравним послекризисные показатели по России и по Ростовской области (табл. 1).

Таблица 1

Послекризисное положение в России [14] и Ростовской области [15]

Основные показатели	Россия		Ростовская область	
	2009 г.	% к 2008 г.	2009 г.	% к 2008 г.
Валовой внутренний продукт, млрд руб.	28298,61	90,12	556,2	96,5
Оборот розничной торговли, млрд руб.	14516,9	94,5	396,7	93,7
Объем платных услуг населению, млрд руб.	4413,7	95,7	96,9	110,0
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника, руб.:				
номинальная	18785	108,5	13883	112,5
реальная	–	96,5	–	98,7

Однако во время экономического роста фиксируется усиление процессов расслоения и экономического неравенства. Так, систематические наблюдения А. Шевякова показывают, что за 2000–2004 гг. (период экономической стабильности) 41% совокупного прироста реальных доходов населения пришелся на категорию 10% наиболее обеспеченного населения, а на долю 10% наименее обеспеченного – всего лишь 1,3% [16]. За следующий период – 2005–2008 гг. – доходы 10% наиболее обеспеченных граждан росли быстрее, чем ВРП на душу населения, а доходы 10% наименее обеспеченных – в 20 раз медленнее. Другими словами, при приросте ВРП на душу населения в 100 руб. среднедушевой доход 10% наиболее состоятельных граждан России

¹ Например, динамика социально-экономического положения населения современной России и проблемы адаптации к измененным условиям труда и занятости (по материалам: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения 1992–2008 гг. М.: Институт социологии РАН, 2009. 96 с.; данные систематических исследований ВЦУЖа, Института социально-экономической проблем народонаселения РАН и др.).

увеличивался на 200 руб., а среднедушевой доход 10% самых малоимущих – только на 5 руб., или в 40 раз меньше [17].

Специальное исследование уровня и образа жизни населения России в 1989–2009 гг., проведенное в рамках совместного проекта учеными НИУ ВШЭ и журнала «Эксперт», НИСИ и фонда «Института города», привело к следующему выводу: по сводному индексу уровень благосостояния «среднего» жителя России, трактуемый как оценка совокупной возможности покупки рыночных товаров и услуг, жилья и потребления нерыночных услуг, при этом не учитывающий имущественного расслоения, вырос за прошедшие 20 лет на треть и был равен 1,32. Составляющие сводного индекса показатели дали следующие результаты: возможность приобретения рыночных товаров – 1,45; нерыночные услуги стали менее доступными – 0,93; возможность приобретения жилья – 0,57 [18. С. 54].

Можно сделать следующий вывод, что экономический рост является одним из основных факторов, создающих материальную основу для повышения благосостояния населения, но при этом необходима эффективная социальная политика, перераспределяющая результаты экономического роста, учитывающая неодинаковую чувствительность разных категорий населения к экономическому росту и ситуациям нестабильности.

Таблица 2

Структура социальных выплат, %

Год	Всего	Пенсии	Пособия и социальная помощь	Стипендии	Страховые возмещения	Прочие выплаты
Российская Федерация						
1995	100	77,5	18,4	1,4	2,2	0,5
2000	100	65,4	14,1	0,9	19,0	0,5
2005	100	71,5	17,9	0,6	9,9	0,1
2009	100	66,5	27,5	1,0	4,8	0,2
Ростовская область						
1995	100	82,7	13,9	1,4	1,7	0,3
2000	100	81,5	15,8	1,3	1,0	0,4
2005	100	76,4	15,6	0,7	7,2	0,1
2009	100	65,5	27,9	1,1	5,4	0,1

Так как в России, как выясняется, с экономическим ростом проявляется устойчивость в углублении социально-экономической поляризации общества, то можно предположить, что природа поляризации населения скорее институциональная. То есть мерами социальной поддержки населения можно регулировать уровень жизни, что и происходит, если рассматривать статистику по растущим расходам государства на социальную поддержку населения. Приведем структуру расходов на социальную поддержку в РФ и Ростовской области в динамике с 1995 г. [14] (табл. 2).

Как видно, доля социальной помощи и пособий увеличивается почти в 2 раза в 2009 г., что свидетельствует о явном антикризисном характере данного роста. Если воспользоваться данными областной долгосрочной целевой программы «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения

Ростовской области на 2010–2012 годы», то заметна коррекция в 2010 г. объемов ассигнований и постепенный рост к 2012 г. [19] (табл. 3).

Таблица 3

Динамика объемов ассигнований на социальную поддержку и социальное обслуживание в Ростовской области

Расходование средств, тыс. руб.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Социальная поддержка	8 352	8 510	14 942	12 728	13 422	14 400
Социальное обслуживание	134,7	849,4	150,5	487,0	565,9	210,9

Но, несмотря на высокие расходы государства по социальной поддержке населения и объективный рост материальной обеспеченности, растет чувство неудовлетворенности своим благосостоянием большинства населения, даже тех, кто не попадает в группу бедных или малообеспеченных слоев. Например, исследования в рамках проекта «Жизнь в переходный период» [20] показали, что на снижение субъективной оценки благосостояния влияют четыре фактора: потеря человеческого капитала (образование зачастую оказывается невостребованным), неуверенность в будущем, малодоступность (дороговизна) общественных благ и социальное неравенство.

Эти факторы, на наш взгляд, снижают значение и результативность тех усилий, которые затрачиваются государством на социальную поддержку и социальное обслуживание. Следовательно, государство недооценивает роль этих факторов и не осуществляет целенаправленного формирования распределительных механизмов и институтов с учетом долговременных и социально ориентированных целей развития общества. Сегодня доходы богатых в России почти на треть являются рентными, а потребление ориентировано на импортные товары и вывод капитала из активной экономической деятельности внутри страны. Это не способствует повышению благосостояния населения, а следовательно, требуется внимательная исследовательская работа по институциональному анализу происходящих процессов.

Применяя институциональный подход, представляется весьма полезным опираться на работу Дугласа Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» [21], где делается принципиальное различие между институтами и организациями. Организации, в отличие от институтов, также структурируют взаимоотношения между людьми, но это уже не правила игры, а сами игроки, их стратегии. Организации создаются для достижения определенных целей, в процессе движения к цели организации выступают главными агентами институциональных изменений. Институты человеческого бытия неразрывно вырастают из прошлого и не могут быть чужими, посторонними для общества. И если законы и другие формальные правовые нормы могут в процессе общественного и экономического развития изменяться относительно быстро, то неформальные институты испытывают изменения постепенно, опираясь на исторический опыт и выходя из него. В переходной экономике нельзя ожидать эффективной работы рыночных законов, даже тщательным образом скопированных из законодательства развитых стран, если они не опираются на неформальные «правила игры» этого общества.

Таким образом, принцип комплексности при формировании модели благосостояния заключается в том, что необходимо сочетать эволюционную преемственность самой общественно-экономической системы в исторической ретроспективе, двойственность природы экономического исследования (теоретическая и эмпирическая составляющие), региональную специфику в формировании социальных стандартов потребления и образа жизни, а также необходимость формирования соответствия институций и организаций для достижения поставленных целей благосостояния.

Литература

1. *Стуканов А.А.* Бедные страны и богатый Всемирный банк // Электронный журнал «Полемика». Вып. 5. www.igex.ru/press/pub/polemika/05/stu
2. Экспресс-информация с саммита // <http://rus.ruvr.ru/2010/09/23/21825630.html>
3. *Паренти М.* Как богатство создает бедность во всем мире. <http://left.ru/2006/17/parenti151.phtml>
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1962.
5. *Ebeling R.M.* Marching to Bismarcks Drummer: The Origins of the Modern Welfare State // *The Freeman: Ideas on Liberty*. 2007. Vol. 57, № 10 December.
6. *Волков А.М.* Швеция: социально-экономическая модель. М.: Мысль, 1991.
7. *Канторович Л.В.* Человек и ученый: В 2 т. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. Т. 1. 542 с. Лекция в Шведской академии наук в связи с присуждением Нобелевской премии за 1975 год. Математика в экономике: достижения, трудности, перспективы.
8. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории: Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика» // http://www.nbrilev.ru/krizis_economic_theory.htm
9. Интенсификация общественного производства: социально-экономические проблемы / В.Г. Гребенников, О.С. Пчелинцев, С.С. Шаталин. М.: Политиздат, 1987. 286 с.
10. Проблемы распределения и рост народного благосостояния / Отв. ред. Э.М. Агабабян и Е.Н. Яковлева. М.: Наука, 1979.
11. *Явлинский Г.А.* Социально-экономическая система России и проблема ее модернизации: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.
12. Уровень жизни населения: понятие, индикаторы, ситуация в России // http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/PROJECTS/URG/Urg.htm
13. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриеляна. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Институт новой экономики, 1999.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.
15. Ростовская область в цифрах: Краткий статистический сборник / Ростовстат. Ростов н/Д, 2011.
16. *Шевяков А.Ю.* Доходы населения: неравенство и поляризация // Эффективное антикризисное управление. Социальная сфера: мера ответственности. № 33/2005 // <http://www.soautprf.ru/site.xp/057050050.html>
17. Информация о социально-экономическом положении России за 2009 год // <http://www.audit-it.ru/news/finance/202837.html>
18. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: Доклад к XII Международной конференции по проблемам развития экономики и общества. (Москва, 5–7 апреля 2011 г.) Г.В. Андрушак, А.Я. Бурляк, В.Е. Гимпельсон и др.; Рук. авт. колл. Е.Г. Ясин. М.: Высш. шк., 2011.
19. Областная долгосрочная целевая программа «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Ростовской области на 2010–2012 годы».
20. *Гуруев С.* Happiness in Transition // *Journal of Economic Perspectives*. 2009. Spring, 23(2), P. 143–168.
21. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.